УДК 7.74.745.5

Г. А. Пудов

О предметах из коллекции Н. П. Лихачева в Отделе народного искусства Русского Музея

В 2011 г. в Русском музее состоялась выставка «Выдающиеся собиратели народного искусства»[1]. Один из ее разделов был посвящен коллекции Н. П. Лихачева.

Николай Петрович Лихачев (1862–1936) известен как ученый, коллекционер, преподаватель, библиограф, автор более 160 научных работ[2]. «В одном человеке всё соединилось: завидная эрудиция, стройная система знаний, семейная “предрасположенность” к собирательству, “генетическая” любовь к документу, тонкое коллекционерское чутье»[3].

Собирательская деятельность Н. П. Лихачева была связана с его учеными занятиями. Это отличало его от многих собирателей. Л. Г. Климанов справедливо писал: «Разделить в Н. П. Лихачеве ученого и коллекционера невозможно, наука и коллекционерство играли в деятельной подвижнической жизни этого человека взаимосвязующую роль»[4]. Лихачев стал одним из первых в России

[1] См.: Выдающиеся собиратели народного искусства. Коллекции и коллекционеры Русского музея. Вып. 3 / Альманах. ГРМ. Вып. 312. СПб., 2011. Выставка была организована на материале коллекции Отдела народного искусства.

[2] *Соболевский А., Карский Е., Перетц В., Платонов С.* Записка об ученых трудах Н. П. Лихачева // Известия АН СССР. 1925. Сер. VI. Т. 19, № 18. С. 844–858.

[3] *Степанова Е. В.* «Он был ученым “с головы до ног” и никем другим быть не желал и не был...» (по материалам личного архива Н. П. Лихачева) // «Звучат лишь письмена...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. ГЭ. СПб., 2012. С. 24.

[4] *Климанов Л. Г.* Николай Петрович Лихачев — коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекций академика Н. П. Лихачева. Каталог выставки. ГРМ. Ленинград, 1991. СПб., 1993. С. 18.

коллекционеров икон и архивных материалов. Кроме того, он стоял у истоков собирания в Европе исторических документов европейского происхождения. Ученый обладал огромной коллекцией, в которую входили кроме автографов и икон надгробия, штампы, перстни, древние печати Средиземноморья, античные глиняные сосуды, остраки, пряничные доски и многое другое. Лихачев писал в одном из писем, что одной из целей его собирательской деятельности было «доставить русским ученым самостоятельный материал для изучения»[5].

После революции 1917 г. созданный Н. П. Лихачевым Музей палеографии был передан сначала Петроградскому университету, затем перешел в ведение Академии наук. Однако избежать распада коллекции всё же не удалось. Она пополнила собрания ГЭ[6], ГИМ, Музея истории религии, БРАН. Часть коллекции попала в ГРМ и была распределена между несколькими отделами.

В отделе народного искусства (далее — ОНИ) находится 47 пряничных досок, 12 различных произведений из металла, включая шесть чернильниц, а также изразец и пара кожаных рукавиц[7]. Вещи поступили 24 ноября 1940 г. из Музейного фонда Государственного Эрмитажа[8]. Об этих предметах и пойдет речь в настоящей статье.

Пряничные доски — самостоятельная группа произведений среди других предметов из собрания Н. П. Лихачева, находящихся сегодня в ОНИ. Большинство досок отличаются хорошей сохранностью. Некоторые из них участвовали в выставках[9], в специальной литературе они упоминаются редко[10].

Место производства большинства пряничных досок неизвестно. В инвентарных книгах они датируются очень широко: несколько вещей — XVII в.,

[5] Н. П. Лихачев — М. С. Большаковой-Майковой, 17 января 1933 г., из Астрахани (ЛО ААН, ныне — СПФ АРАН). Ф. 738. Оп. 4. Ед. хр. 40. Л. 1 об. Цит. по: *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе» // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 425.

[6] На оборотной стороне одной из досок из собрания Н. П. Лихачева, поступившей в ОНИ из Эрмитажа (инв. № Д-696), сохранилась наклейка, на которой указано: «Поступило по акту № 608 от 8 VIII 1938 г. из Музея Института Истории Академии Наук СССР». Таким образом, в Эрмитаже доски находились недолго.

[7] При работе над настоящей статьей большое содействие оказала старший научный сотрудник — хранитель фондов ОНИ ГРМ Любовь Алексеевна Старкова. Приношу ей глубокую благодарность.

[8] ГРМ, акт № 989/1649 от 24 ноября 1940 г.

[9] На постоянной экспозиции ОНИ сегодня находятся пряничные доски Д-679, Д-689, Д-697, Д-709, Д-710. Доски Д-680, Д-707, Д-710, Д-711 участвовали в выставке «Русское народное искусство XVII–XX вв.», проходившей в Елагином дворце в 1962 г. Кроме того, подавляющее большинство пряничных досок из собрания Н. П. Лихачева участвовало в выставке «Из коллекций Н. П. Лихачева», проходившей в Русском музее в 1991 г. (см.: Из коллекций академика Н. П. Лихачева. С. 194–197). Каталог пряничных досок составлен Н. В. Тарановской.

[10] См. напр.: *Каменская М.Н.* Пряничная доска работы Матвея Ворошина // Сообщения ГРМ. Вып. II. Л., 1947. С. 36–37; *Мальцев Н.В.* Пряничные доски // Добрых рук мастерство. Л., 1981. С. 64, 65, 68, 69.

пятнадцать — XVIII в., пятнадцать — XIX в., остальные либо не датированы совсем, либо датированы XVIII–XIX столетиями. В коллекции находятся доски разных видов: «хоромные», «фигурные» и др.

М. Н. Каменская условно, по сюжетам изображений, разделила пряничные доски из коллекции Н. П. Лихачева на три вида: 1. Доски с языческими орнаментальными мотивами (с изображениями розеток, птиц и животных); 2. Доски с восточными орнаментальными мотивами, «своеобразно освоенными народным искусством»; 3. Доски с орнаментом, характерным для искусства московской Руси и более позднего периода (произведения с изображениями московского герба и различных архитектурных мотивов). По мнению М. Н. Каменской, большинство изделий происходит из среднерусских областей[11].

В основном это типичные изделия, на многих имеются следы частого использования по прямому назначению. Однако среди них есть несколько произведений, которые, бесспорно, относятся к шедеврам народного искусства. Это в первую очередь пряничная доска Матвея Ворошина, датируемая 1779 г. («орленая»)[12]. В инвентарной книге указано, что доска была изготовлена во Владимирской губернии, однако выяснилось, что Матвей Ворошин происходил из Городца Нижегородской губернии[13]. Там был развит пряничный промысел, особое значение в его истории сыграли старообрядцы[14]. На прямоугольном поле доски — изображение двуглавого орла в круге со скипетром и державой (рис. 1). Снизу — вазон с расходящимися в стороны двумя тюльпанами, сверху — также два тюльпана и изображение царской короны. Свободные места заполнены различными геометрическими и растительными мотивами. Вся композиция обрамляется надписью: «1779 году апреля десятова дня: сия доска рисована рисовал Матвей Ворошин»[15]. При безупречном ремесленном мастерстве автора рассматриваемое произведение обнаруживает ясность и четкость композиционных построений. М. Н. Каменская писала: «Заполнение резьбой плоскости доски продумано и выполнено с полным осознанием ритма композиционных приемов

[11] *Каменская М. Н.* Тезисы доклада, прочитанного в отделе народного искусства 15 февраля 1946 года. Рукопись // ВА ГРМ. Оп. 6. Д. 1609. Л. С. Смусин писал, что пряники, изготовленные с помощью печатных досок, характерны для «губерний и областей, тяготевших к Волжскому торгово-культурному району <...> (Тверская, Костромская, Нижегородская, Саратовская <...>)», а также для Вологодской губернии (см.: *Смусин Л. С.* Русский пряник // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. XI. М., 1976. С. 100, 102).

[12] Инв. № Д-697. Размеры 49×38×5.

[13] *Черняховская Ю. С.* Город-пряник // Пряник, прялка и птица Сирин. М., 1983. С. 94. В 2013 г. И. Я. Богуславской на атрибуционном совете было убедительно доказано городецкое происхождение этой пряничной доски.

[14] См.: *Еранцев А. Н.* Городецкие пряники // Городецкие чтения. По материалам научно-практической конференции «Городец на карте России: история, культура, язык». Апрель 2002 г. Городец, 2003. С. 147–157.

[15] Надо подчеркнуть, что надписи есть на многих пряничных досках Н. П. Лихачева. Думается, что это было одной из главных причин их появления в его коллекции.

Рис. 1. Пряничная доска. Мастер Матвей Ворошин. 1779 г., Нижегородская губерния

и обличает в Ворошине одного из немногих известных нам мастеров XVIII века, мастера, обладающего несомненным художественным чутьем и знанием техники искусства резьбы по дереву»[16]. Надпись обнаруживает знакомство автора с искусством рукописной книги. Изображения орла и короны придают пряничной доске торжественный, праздничный характер. Е.С. Галуева справедливо указывала: «Почетные доски Городца раскрывают многообразие художественных приемов народных мастеров пряничной резьбы. В оформлении почетных досок выражено стремление к созданию пышных, богатых узоров, отмеченных большой торжественностью и праздничностью»[17]. Рассматриваемому произведению Матвея Ворошина есть аналогии в собрании ГИМ[18].

Исключительную ценность имеет и другая доска[19], «хоромная» (другое название таких досок — «терематые»). На ней изображены одиннадцатиглавый терем с двумя «луковками» на боковых главах (рис. 2). Терем имеет широкие «окна» и «двери». Его фасад, разделенный на три части «пилястрами», нарядно украшен. В центральном «прясле» — большая розетка, словно звезда, распространяющая в стороны свои лучи. На центральном шпиле — большой двуглавый орел, на двух боковых — фигуры, напоминающие цветы. Свободные места на доске заняты изображениями маленьких звезд. Всё изображение обрамляется надписью, не имеющей смыслового значения. В углах ее — розетки. Два ряда зубчиков и один ряд желобков отделяют изображения на доске от гладкого поля.

[16] *Каменская М.Н.* Пряничная доска работы Матвея Ворошина. С. 37.

[17] *Галуева Е.С.* Почетные пряничные доски Городца // Народные основы искусства художественных промыслов: Сборник научных трудов НИИХП. М., 1981. С. 68.

[18] И.Н. Уханова также упоминает буфет из собрания Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, собранный из пряничных досок. Среди них, возможно, есть изделия Матвея Ворошина (*Уханова И.Н.* Пряничные доски Пошехонья // Сообщения ГЭ. Вып. XXXII. Л., 1971. С. 35).

[19] Инв. № Д-679. Датируется XVII в. Размеры 104×72×7. См. воспр.: Выдающиеся собиратели народного искусства. Коллекции и коллекционеры Русского музея. Вып. 3 / Альманах. Вып. 312. СПб., 2011. С. 16.

Как и предыдущее произведение, это также отличается торжественным, праздничным, даже ликующим характером. Н. В. Мальцев писал: «Дворец, отпечатанный на прянике, по своей образной сути близок “палатным строениям” русских народных сказок и былин. Это своего рода декорация, на фоне которой фантазия зрителя могла разыгрывать сказки, создавать свое волшебное царство»[20]. Считается, что прообразом для изображений на «терематых» досках стало здание Московского Печатного двора. Как правило, доски с «хоромным» сюжетом связываются исследователями с Городцом[21].

Рис. 2. Пряничная доска. XVII в.

На другой доске изображена обернувшаяся назад птица с ветвью в клюве, клюющая ягоды[22]. Свободные места заполнены изображениями звезд. При передаче сложного движения птицы мастер удачно вписал фигуру в прямоугольник, обрамляющий лицевую сторону доски. Мягкие насечки прекрасно передают оперение. При всей плоскостности изображений мастер сумел передать не только динамику движений птицы, но и особенности ее строения.

Совершенно иной образ имеет птица на другой пряничной доске[23]. Это — сильное, гордое существо. Хохолок на голове птицы превратился в пышную корону. Плавно изогнутые линии шеи и хищного клюва придают образу птицы монументальность и торжественность. Резчик сумел создать выразительный, запоминающийся образ. «Мастера под влиянием реальных наблюдений вносили в изображения определенную конкретизацию, но это не мешало им видеть в реальном сказочное, наполнять знакомые образы ощущением необычного, празднично-прекрасного»[24]. Поражает техническое мастерство резчика. Тулово, шея и хвост птицы переданы разными насечками и углублениями.

[20] *Мальцев Н. В.* Указ. соч. С. 69. Автор указывает, что в коллекции ГРМ немногим более 50 пряничных досок. Это неверно — только в собрании ОНИ ГРМ находится более 120 образцов. Не лишена статья и других фактических ошибок.

[21] См. напр.: *Гончарова Н. Н.* Тверские пряничные доски // Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков: Труды ГИМ. Вып. 75. М., 1990. С. 134.

[22] Инв. № Д-710. Датируется XVIII в. См.: Выдающиеся собиратели народного искусства. Коллекции и коллекционеры Русского музея. Вып. 3 / Альманах. ГРМ. Вып. 312. СПб., 2011. С. 17.

[23] Инв. № Д-709. Датируется XVIII в.

[24] *Галуева Е. С.* Указ. соч. С. 60.

Надо отметить, что пряничные доски из коллекции Н. П. Лихачева очень разнообразны по сюжетам. Кроме изображений животных часто встречаются комбинации различных растительных и геометрических мотивов. Например, прямоугольное поле доски под номером Д-689 (датируется предположительно XVIII в.) разделено четырьмя широкими полосами[25]. В одних размещены изображения вьющихся растительных побегов с ягодами, в других — кустов и больших розеток. Верх и низ оформлен геометрическими мотивами.

На некоторых досках есть крупные изображения цветов. Например, на прямоугольном поле доски под номером Д-684 — большое изображение тюльпана в вазе, от которого отходят в стороны растительные завитки. Слева и справа от цветка — крупные, «сияющие» розетки. Кроме технического мастерства автора, которое характерно для многих пряничных досок из собрания Н. П. Лихачева, рассматриваемое произведение отличает монументальность изображения тюльпана. Надо отметить, что оно напоминает изображения тюльпана в северных росписях. На другой доске[26] тюльпан превратился в фантастический цветок, от которого подобно иглам отходят в стороны побеги и листья.

На других пряничных досках главную роль играют не растительные, а геометрические мотивы. В этой группе произведений выделяются две вещи. На одной[27] представлен большой ромб, состоящий из различных узорных линий. В центре него находится крупная розетка. Свободные места также заняты изображениями розеток. Рамка состоит из нескольких точечных линий. Композиции доски свойственна четкая симметрия, «построенность», сближающая ее с украшением книжных обложек XIX в. На другой пряничной доске[28] представлен большой круг, состоящий из различных геометрических узоров и розетки в центре. Узоры составлены из насечек различной глубины и формы. Несмотря на сложность соединения геометрических фигур и «плетенки», изделие не потеряло в функциональности.

Где же мог Н. П. Лихачев приобрести пряничные доски? Документы СПФ АРАН свидетельствуют, что продавцом этих вещей Лихачеву был Федор Григорьевич Шилов (1879–1962) — известный букинист, антиквар, коллекционер, с которым Лихачева связывали долгие деловые отношения[29]. Шилов родился в деревне Мишутино Романо-Борисоглебского уезда в крестьянской семье. Был отправлен восьмилетним мальчиком в Петербург на учебу и заработки, определен в книжный магазин Максима Павловича Мельникова, затем работал

[25] См. воспр.: Выдающиеся собиратели народного искусства. Коллекции и коллекционеры Русского музея. Вып. 3 / Альманах. Вып. 312. СПб., 2011. С. 17.

[26] Инв. № Д-685. Датируется предположительно XVII в.

[27] Инв. № Д-691. Датируется XVIII–XIX вв.

[28] Инв. № Д-707. Датируется XVII в.

[29] Ф. Г. Шилов писал в своих воспоминаниях: «Мое знакомство с Лихачевым началось с первых дней моего приезда в Петербург, то есть 1891 года, когда Лихачев был еще студентом» (см.: *Шилов Ф.* Записки старого книжника. М., 1959. С. 111–112).

у антиквара Евдокима Акимовича Иванова. В 1904 г. открыл собственный букинистический магазин, который находился на Литейном, д. 56[30]. Кроме огромной библиотеки, Шилов обладал значительным собранием монет, гравюр, фарфора, хрусталя, предметов из драгоценных металлов. После революции 1917 г. работал в различных учреждениях, связанных с книжным делом.

В его письме, адресованном Лихачеву и датированном началом мая 1912 г., среди прочего написано: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что пряничные доски около 80 штук мною получены, кроме того куплены разные брошюры и книги... Благоволите пожаловать для ознакомления»[31]. А 7 мая 1912 г. на имя Н. П. Лихачева уже поступил счет от Ф. Г. Шилова на 200 рублей за «77 и 2 половинки пряничных старинных досок»[32]. В следующем письме антиквара (от 29 июня 1912 г.) указано: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что деньги сто рублей с Вас мною получены, остается за Вами за пряничные доски еще сто рублей, каковую сумму как Вам будет угодно мне лично уплатить или в мое отсутствие отцу моему Григорию Шилову»[33]. Таким образом, часть коллекции пряничных досок Лихачева, находящихся сегодня в ОНИ ГРМ, была приобретена им в 1912 г. у антиквара Федора Григорьевича Шилова. Вообще историк сотрудничал с ним весьма активно. Например, в январе 1914 г. он выплатил ему «1029 + 12 рублей», а в марте — 175 рублей[34].

Известно, что в летние месяцы Ф. Г. Шилов с семьей ездил на родину и всегда заезжал в Ярославль для покупки антиквариата[35]. Поскольку одно из цитированных писем было написано именно из деревни Мишутино Романо-Борисоглебского уезда, то можно предположить, что и пряничные доски он купил в Ярославле. Ф. Г. Шилов так или иначе был связан с местным антикварным рынком, например, в 1912 г. он покупал книги «ярославской фамилии дворян Архаровых»[36].

---

[30] Объявление в адресной книге Петербурга за 1911 г. гласило: «Антикварная книжная торговля Ф. Шилова. Литейный пр., д. 56 (Мариинской больницы). Телеф. 133–30. Антикварные и новые книги, гравюры и рисунки, картины, миниатюры, рукописи, автографы и всевозможные редкости. Покупка и продажа. Высылка книг в провинцию аккуратная. Каталоги высылаются бесплатно» (см.: Весь Петербург на 1911 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1911. С. 1332).

[31] СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Л. 285.

[32] Там же. Л. 287.

[33] Там же. Л. 288.

[34] Там же. Д. 77. Л. 541, 638.

[35] Он писал в воспоминаниях: «...я позволял себе каждое лето ездить месяца на два в деревню, куда уже с весны отправлял жену с детьми. До моего приезда жена обычно жила у своих родителей в Данилове, а когда я приезжал, мы отправлялись в деревню Мишутино, где у нас было небольшое крестьянское хозяйство... Когда я ехал за женой в Данилов, то проездом на день останавливался в Ярославле и непременно покупал что-нибудь у местных букинистов и антикваров...» (см.: *Шилов Ф.* Указ. соч. С. 92).

[36] СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Л. 292. Впрочем, надо отметить, что Шилов иногда ездил в Ярославль через Вологду, где тоже покупал антикварные вещи.

Рис. 3. Чернильницы. Конец XVII — XVIII в.

Также из коллекции Н. П. Лихачева происходят шесть металлических чернильниц (как указано в акте передачи, «4 шт. чернильницы медные с растительным орнаментом и рельефной фигурой коня» и «две чернильницы медные одна из них подвесная»), обычно атрибутируемые в научной литературе как изделия мастеров Русского Севера конца XVII — XVIII в. (три чернильницы представлены на рис. 3)[37]. Среди них наибольший интерес представляет большая чернильница из латуни, украшенная растительным орнаментом. По ее верхнему краю — несколько рядов точечного орнамента. Здесь же прикреплены два небольших колечка. На двух боковых сторонах — сложное переплетение растительных завитков с ягодами и изображений тюльпанов. Две ветви как бы выходят из пышного вазона, расположенного точно посередине всей композиции. Последней свойственна ярко выраженная симметрия, все изображения как бы делятся на две равные половины. Однако при этом композиция динамична, цветам и ветвям «тесно» на небольшой поверхности чернильницы (композиция ограничена полосой ленточного орнамента с глазковым орнаментом и плетенкой). Низкий фон покрыт штриховкой, облегчающей восприятие изображений тюльпанов и растительных завитков. Они очень напоминают изображения цветов на прялках и рукописях, происходящих из старообрядческих центров Русского севера. Надо отметить, что присутствие чернильниц в собрании Лихачева объясняется их принадлежностью не столько истории прикладного искусства, сколько истории письменности.

[37] Инв. № М-209–М-214. Они имеют многочисленные аналогии в других музеях, в том числе в ГРМ. Л. Н. Гончарова, привлекая в своем исследовании подобные вещи из коллекций Великоустюжского и Вологодского краеведческих музеев, атрибутирует их как работу вологодских мастеров начала — I половины XIX в. (см.: *Гончарова Л. Н.* Металл в народном искусстве Русского Севера. Чеканка и медное литье. М., 2000. С. 71, 73).

Из металлических вещей также заслуживают внимания небольшая печатка в виде животного, серьга и подвесок. Эти предметы не атрибутированы: ни время, ни место их происхождения неизвестны.

Печатка (как указано в акте передачи, «печать медная двойная в виде животного») изготовлена в технике литья[38]. Передние лапы животного слиты воедино, задние — раздельно. Мастер воспроизвел выпуклости ушей, хвост и закрытый рот животного. На его спине — пластинка с рельефным узором в виде нескольких симметричных крестов. Подножие выполнено в виде большой пластинки с рельефным узором в виде свастики.

Вещь находится в хорошей сохранности и может рассматриваться не только как интересный этнографический предмет, характеризующий некоторые стороны человеческой жизнедеятельности, но и как произведение прикладного искусства. Думается, печатка не случайно оказалась в коллекции Н. П. Лихачева. Как известно, он «стремился к созданию такой коллекции, где были бы представлены образцы греческого и латинского средневекового письма, выполненные на металле, кости и камне, где можно было бы сопоставить различные по времени распространения и месту бытования типы посвятительных надписей, заклинательных формул и тайнописи, виды штампов-матриц для изготовления эвлогий»[39]. Сегодня такие вещи относятся к редким образцам прикладного искусства, многие из них — возможно, и печатка из ОНИ — связаны с Византией.

Серьга состоит из двух соединяющихся пластинок с семью подвесками[40]. Верхняя пластинка — округлая, с узором в виде небольшого куста с расходящимися завитками на концах, в обрамлении из цепи маленьких колец. Нижняя пластинка — в форме груши, с узором из трех расходящихся полосок, находящихся в обрамлении цепи круглых звеньев с парными кружками внутри. Узор подвесок имеет два варианта: четыре подвески выполнены в виде переплетающегося растительного завитка, две подвески изготовлены в виде распускающегося цветка (наподобие узора на верхней пластинке).

Стиль рассматриваемого изделия поначалу указывает на принадлежность его татарскому прикладному искусству[41] (серьги на татарском языке назывались «алка»). По классификации С. В. Сусловой серьга из коллекции ОНИ относится к типу Г II[42]. Серьги этого вида считаются «национальными серьгами казанских татар». В XIX в. они преобладали в комплексе головных украшений. С. В. Суслова указывает, что основой этого типа стали местные традиции,

[38] Инв. № М-208 (размеры 4,5×2,5).

[39] *Залесская В. Н.* Памятники византийской и поствизантийской эпиграфики // Из коллекций академика Н. П. Лихачева. С. 66.

[40] Инв. № М-205 (размеры 10×3).

[41] См.: *Валеева-Сулейманова Г. Ф., Шагеева Р. Г.* Декоративно-прикладное искусство казанских татар. М., 1990. С. 69, 75, 91, 95, 103, 105–107.

[42] *Суслова С. В.* Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. М., 1980. С. 23–26.

поскольку серьги подобной формы были обнаружены при археологических раскопках древних булгарских памятников[43].

Однако в изделии из собрания ОНИ нет драгоценных и полудрагоценных камней, оно выполнено не из серебра и без золочения, что было характерно для татарских серег. Возможно, серьга была изготовлена во II половине XIX в. мастерами Рыбной слободы, расположенной в Лаишевском уезде Казанской губернии[44]. Известно, что местные (русские) «серебряки» ориентировались в своей деятельности на привозные татарские изделия. Аналогии из собрания ГРМ подтверждают предложенную атрибуцию[45].

Происхождение Николая Петровича Лихачева из Казанской губернии не только делает это предположение еще более вероятным, но и указывает пути приобретения коллекционером этой вещи. Здесь также уместно напомнить, что в коллекции его дяди Андрея Федоровича Лихачева (1832–1890) было несколько сотен подобных украшений. А. Ф. Лихачев не только собирал ювелирные изделия казанских татар, но и занимался их изучением[46]. Современные исследователи указывают на высокий научный уровень его работ и их прекрасные иллюстрации[47].

Подвесок (точнее, привеска) — это произведение в виде небольшой круглой пластинки с изображением птицы с поднятыми крыльями, сидящей на ветви[48]. По сторонам от нее — две веточки и две звездочки. Все изображения обрамлены тонкой полосой (оборотная сторона подвески оставлена без украшений). Наверху — граненая петелька с крестовидным узором. По аналогиям, опубликованным в различных работах[49], привеску предположительно можно отнести к кругу псковско-новгородских или тверских памятников конца XIV — XVII в. В вопросе об ее происхождении и даже функциональной принадлежности на сегодняшний день остается много неясного. Не исключено, что привеску надо рассматривать в контексте нумизматических увлечений Н. П. Лихачева,

[43] Там же. С. 24.

[44] Мастера изготавливали серьги, кольца, пряжки, перстни и другие вещи. На 1891 г. в промысле значилось 89 «серебряков»: 27 чеканщиков, 16 наборщиков и 47 литейщиков (см.: *Давыдова С. А.* Производство металлических изделий в Рыбной слободе, Лаишевского уезда, Казанской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. СПб., 1895. С. 114–117; Русское народное искусство на второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 году. Петроград, 1914. С. 66, 67, табл. LXIII, LXIV). Приношу глубокую благодарность за содействие ведущему научному сотруднику отдела древнерусского искусства ГРМ С. М. Новаковской-Бухман.

[45] Например, ожерелье из ОНИ (инв. № М-184).

[46] См.: *Лихачев А. Ф.* 1) Бытовые памятники Великой Булгарии. СПб., 1876; 2) Рисунки к трудам II археологического съезда. СПб., 1876. Вып. 1.

[47] *Суслова С.* В. Указ. соч. С. 8–9.

[48] Инв. № М-206 (размеры 3×2,5).

[49] См. напр.: *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. Ил. 12, 14, 15, 23, 24; *Колпакова Ю. В.* Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях // АИППЗ. Псков, 2014. Рис. 1.

а изображение птицы трактовать как изображение Святого Духа либо как светскую картинку. Возможно, привеска является незаконченным произведением[50].

Необходимо упомянуть и о двух металлических ключах и части от безмена[51]. О коллекционерском интересе Лихачева к этой категории вещей известно — ключи, изготовленные в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв., присутствуют в его коллекции[52]. Поэтому и наличие в его собрании двух названных вещей, ныне находящихся в ОНИ, не случайно. В инвентарных книгах отдела предполагается их ярославское происхождение (время не определено).

Один ключ имеет круглую ручку, украшенную узором в виде треугольника, спаянного с тремя колечками. В завершении — прямоугольная петля. Бородка с двумя зубцами. Другой ключ (он больше по размерам) имеет также круглую ручку со сквозным узором в виде двух соединенных треугольников. В завершении ручки — круглая петля. Бородка с тремя зубцами.

В обширной описи предметов из коллекции Н. П. Лихачева есть указания и на русские ключи. Ввиду расплывчатости описаний можно предположить два варианта их происхождения: «от Лихачевских амбаров» или «из Великого Новгорода, найдено в разное время»[53]. Не исключено, что ключи (если они куплены в Великом Новгороде) Лихачев приобрел через Василия Алексеевича Квашонкина (?–1941). С последним его связывали длительные деловые отношения (судя по письмам, приблизительно с 1909 по 1921 г.) «по части печатей», хотя Квашонкин предлагал ему и другие предметы[54]. Он был агентом Лихачева в Новгороде, после революции служил при Губернском отделе народного образования в Секции по охране памятников искусства и старины.

Часть от безмена (названная в акте передачи «кольцо медное многогранное с рельефными фигурами птицы и льва») могла быть изготовлена в Калуге в XVII в.[55] Она представляет собой кольцо с четырьмя ромбическими гранями и восемью треугольными. На двух ромбических гранях — рельефные изображения львов с поднятыми лапами и хвостами. Один помещен в круге, другой — в квадрате. На двух других ромбических гранях — птица с раскрытыми крыльями в круглом обрамлении (изображения животных, заключенные в квадратные или круглые рамки, напоминают печати). Вещь находится в хорошей сохранности и представляет возможности для дальнейшего изучения.

[50] *Колпакова Ю. В.* Указ. соч. С. 91–92. Немалое значение имеет вопрос о подлинности этого произведения.

[51] Инв. № М-203, М-204, М-207 соответственно.

[52] Из коллекций академика Н. П. Лихачева. С. 71.

[53] СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 136. Л. 87 об. В научной литературе указывается, что происхождение многих вещей из собрания Лихачева установить крайне сложно, так как «коллекционер по вполне понятным причинам не афишировал свои источники пополнения коллекции» (*Степанова Е. В.* Коллекция Н. П. Лихачева // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 56).

[54] СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Л. 76–96.

[55] По определению Н. Р. Левинсона.

Печной изразец с изображением старца[56] ранее также находился в коллекции Н. П. Лихачева. В инвентарной книге он датируется предположительно XVII в., место производства не указано. На зеленом пригорке изображен полулежащий старец с протянутыми руками, фон — белый. По краям — две ветви, подобно занавесу фланкирующие композицию. Обрамление изразца зеркально повторяется на соседнем (на рассматриваемом изделии представлена как бы половинка рамки). На пригорке, снизу, — «притча», т.е. надпись в прямоугольном картуше, она плохо читается. Каждое изображение подчеркнуто тонкой линией коричневого цвета. Это придало плоскостность всей композиции. Полива белого, зеленого и коричневого цветов. Несмотря на ограниченность палитры, мастер сумел придать красочное богатство своему произведению. Необходимо отметить, что он гораздо более уверенно чувствовал себя при изображении растительных мотивов, чем при изображении старика. Однако главным героем сюжета росписи на изразце является всё же человек. Как справедливо писала С. И. Баранова, «как бы ни были разнообразны темы росписи изразцов XVIII в., главным персонажем этих картинок был человек, его естество, внешние и внутренние свойства личности...»[57]

В описи произведений Н. П. Лихачева, размещенных в различных шкафах в его доме, упомянут «русский изразец из печки XVIII века» и указано его возможное московское происхождение, а также вероятное приобретение в Москве[58]. Судя по многочисленным аналогиям[59], изразец должен быть датирован II половиной XVIII столетия, московское происхождение сомнению не подвергается.

И наконец, необходимо упомянуть две пары рукавиц[60]. Они предназначены для соколиной охоты. Информация о месте и времени их производства в инвентарных книгах отсутствует[61]. Рукавицы изготовлены из кожи, бумаги, шелка, металлических нитей. Орнаменты состоят из растительных и геометрических мотивов: пальметт, раковин, изображений сердцевидных фигур, больших цветов, и полос, состоящих из различных фигур (треугольники, полуовалы и др.). Они складываются в сложные композиции, которые условно можно разделить на центричные и горизонтальные. На обеих рукавицах — надписи, исполненные в технике тиснения: «прошу сіи рукавицы купить прошу сіи рукавиц» и «прошу сіи рукавицы купить с любовию носи» соответственно. Круглые

[56] Инв. № Г-1343.

[57] *Баранова С.И.* Русский изразец. Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 304.

[58] СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Д. 136. Л. 88.

[59] *Баранова С.И.* Указ. соч. С. 298, 306. См. также: *Сергеенко И.И.* Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков: Труды ГИМ. Вып. 75. М., 1990. С. 37, 40, 42, 43.

[60] Инв. № В-3197, В-3198.

[61] По определению научного сотрудника ОНИ ГРМ Н. И. Ковалевой, рукавицы могли быть изготовлены в России в XVII — начале XVIII в. Другие сотрудники отдела высказали мнение, что вещь необходимо датировать значительно более поздним временем, поставив вопрос об ее подлинности.

металлические пуговицы при всей функциональности являются превосходным украшением изделий. Обе вещи повреждены. Несмотря на это, они являются первоклассными произведениями народного искусства. Скорее всего, это — произведения одного центра, в собрании ОНИ есть аналогии им.

В упомянутой выше описи произведений Николая Петровича названы «три пары фамильных рукавиц из родовых Лихачевских вещей с надписью»[62]. Таким образом, две пары рукавиц из собрания ОНИ, вероятно, нигде не покупались Лихачевым, поскольку относились к его фамильным ценностям.

В качестве заключения можно указать на следующее. Предметы из коллекции Н. П. Лихачева, находящиеся ныне в отделе народного искусства, представляют лишь малую часть его огромного собрания. Тем не менее они могут дать представление о разнообразии и качестве произведений.

Последние необходимо рассматривать в связи с палеографией (думается, именно поэтому они и оказались в коллекции Н. П. Лихачева[63]). Надписи и изображения на пряничных досках, рукавицах, изразце, растительные и геометрические мотивы на других вещах связывались коллекционером с историей письменности, и поэтому весьма органично входили в ряд предметов из его собрания. Например, пряничные доски особенно хорошо соотносятся с деревянной учебной таблицей, на которой кто-то упражнялся в изучении алфавита[64]. В целом вещи из собрания ОНИ следует отнести к VI отделу коллекции Лихачева под названием «Материалы документов» (по его собственной классификации[65]).

Следует подчеркнуть, что для самого коллекционера произведения были прежде всего документами. Он подчеркивал в одном из писем В. Т. Георгиевскому: «Цель и смысл моего собирательства — история документа, писанного и печатного <...> начиная с первых цивилизаций»[66]. Произведения из собрания ОНИ ГРМ, несомненно, свидетельствуют об этом.

Как отмечалось в начале данной статьи, Н. П. Лихачев занимался коллекционированием ради научных целей. В его собирательской деятельности, как справедливо писала Н. В. Пивоварова, не было ставки на шедевр[67]. Поэтому среди произведений находилось много не уникальных, а типичных, характерных для того или иного мастера, художественного центра, исторического

[62] СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 79. Д. 136. Л. 88 об.

[63] В письмах и различных записках Н. П. Лихачева проявляется неизменное пристальное внимание исследователя к разного рода надписям, почеркам, автографам (см. напр.: СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 74. Л. 10, 21, 48 и др.). Ф. Г. Шилов писал: «Лихачев собирал не только в России, но и за границей, и не только книги и рукописи, но также надписи на глине, камнях, папирусы и пр.» (*Шилов Ф.* Указ. соч. С. 112). Кроме того, известно, что при покупке икон его в первую очередь интересовали иконы с надписями.

[64] СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 136. Л. 15.

[65] Из письма В. Т. Георгиевскому (ОР ГРМ. Ф. 122. Д. 81. Л. 2).

[66] ОР ГРМ. Ф. 122. Д. 81. Л. 1.

[67] *Пивоварова Н. В.* Памятники церковной старины в Петербурге–Петрограде–Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е годы. М., 2014. С. 106–107.

периода вещей (по поводу икон сам Н. П. Лихачев писал: «Собираю иконы, характерные для тех или других писем...»[68]).

К области русского народного искусства относятся пряничные доски, ключи, медные чернильницы, изразец, рукавицы и часть от безмена. Печатка была создана в других странах и в значительно более ранний период, серьга также не относится к области русского народного искусства. Все вещи представляют значительную художественную и этнографическую ценность, и свидетельствуют не только о тонком вкусе Н. П. Лихачева, но и о последовательности его собирательского труда.

Сокращения

АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли (материалы научных семинаров)
БРАН — Библиотека Российской академии наук
ВА ГРМ — Ведомственный архив Государственного Русского музея
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук
ОНИ ГРМ — отдел народного искусства Государственного Русского музея
ОР ГРМ — отдел рукописей Государственного Русского музея
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

References

Baranova S.I. Russkiy izrazets: zapiski muzeynogo khranitelya. M.: MGOMZ, 2011.

Chernyakhovskaya Yu.S. Gorod-pryanik // Pryanik, pryalka i ptitsa Sirin: Kn. dlya uchashchikhsya st. klassov. M.: Prosveshcheniye, 1983.

Davydova S.A. Proizvodstvo metallicheskikh izdeliy v Rybnoy slobode, Laishevskogo uyezda, Kazanskoy gubernii // Otchety i issledovaniya po kustarnoy promyshlennosti v Rossii. T. III. SPb., 1895.

Erancew A.N. Gorodetskiye pryaniki // Gorodetskiye chteniya. Po materialam nauchno-prakticheskoy konferentsii «Gorodets na karte Rossii: istoriya, kultura, yazyk». Aprel 2002 goda. Gorodets, 2003.

Galuewa E.S. Pochetnyye pryanichnyye doski Gorodtsa // Narodnyye osnovy iskusstva khudozhestvennykh promyslov: Sb. nauch. trudov / NII khudozhestvennoy promyshlennosti. M.: NIIKHP, 1981.

Goncharova L.N. Metall v narodnom iskusstve Russkogo Severa. Chekanka i mednoye litye: Albom. M.: GIM, 2000.

Goncharowa N.N. Tverskiye pryanichnyye doski // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 75: Pamyatniki russkoy narodnoy kultury XVII–XIX vekov. M., 1990.

Kamenskaya M.N. Pryanichnaya doska raboty Matveya Voroshina // Soobshcheniya GRM. Vyp. II. L., 1947.

Klimanov L.G. Nikolay Petrovich Likhachev — kollektsioner «skazochnogo razmakha» // Iz kollektsiy akademika N. P. Likhacheva. Katalog vystavki. GRM. Leningrad, 1991. SPb., 1993.

Klimanov L.G. Uchenyy i kollektsioner, «izvestnyy vsey Rossii, yeshche boleye Yevrope» // Repressirovannaya nauka: Sbornik. Vyp. 1 / AN SSSR. In-t istorii yestestvoznaniya i tekhniki. Leningr. otd.; sost. A. I. Melua, V. M. Orel; obshch. red. M. G. Yaroshevskogo. L.: Nauka, Leningr. otd-niye, 1991.

Kolpakova U.V. Podveski-dorniki v pskovskikh arkheologicheskikh i veshchevykh muzeynykh kollektsiyakh // AIPPZ. Pskov, 2014.

Likhachev A.F. Bytovyye pamyatniki Velikoy Bulgarii. SPb., 1876.

Likhachev A.F. Risunki k trudam II arkheologicheskogo syezda. Vyp. 1. SPb., 1876.

Malcew N.W. Pryanichnyye doski // Dobrykh ruk masterstvo: Proizvedeniya narodnogo iskusstva v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeya. Sbornik / Sost. i nauch. red. I. Ya. Boguslavskaya. L.: Iskusstvo, Leningr. otd-niye, 1981.

[68] Из письма В. Т. Георгиевскому от 12 августа 1894 г. (ОР ГРМ. Ф. 122. Ед. хр. 81. Л. 22).

Pivovarova N. V. Pamyatniki tserkovnoy stariny v Peterburge–Petrograde–Leningrade: iz istorii formirovaniya muzeynykh kollektsiy: 1850–1930-e gody. M.: BuksMArt, 2014.

Russkoye narodnoye iskusstvo na vtoroy Vserossiyskoy kustarnoy vystavke v Petrograde v 1913 godu. Pg., 1914.

Sedova M. V. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.). M.: Nauka, 1981.

Sergeyenko I. I. Syuzhety i ornamenty russkikh izraztsov XVIII veka // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 75: Pamyatniki russkoy narodnoy kultury XVII–XIX vekov. M., 1990.

Shilov F. G. Zapiski starogo knizhnika. M.: Iskusstvo, 1959.

Smusin L. S. Russkiy pryanik // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya. Vyp. XI. M., 1976.

Sobolevskiy A., Karskiy E., Perets V., Platonov S. Zapiska ob uchenykh trudakh N. P. Likhacheva // Izvestiya AN SSSR. 1925. Ser. VI, t. 19, № 18.

Stepanova E. V. Kollektsiya N. P. Likhacheva // Vizantinovedeniye v Ermitazhe. Sbornik. XVIII Mezhdunarodnyy kongress vizantinistov, Moskva, 8–15 avg. 1991 g. L.: GE, 1991.

Stepanova E. W. «On byl uchenym "s golovy do nog" i nikem drugim byt ne zhelal i ne byl...» (po materialam lichnogo arkhiva N. P. Likhacheva) // «Zvuchat lish pismena...»: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikolaya Petrovicha Likhacheva. Katalog vystavki. GE. SPb: GE, 2012.

Suslova S. V. Zhenskiye ukrasheniya kazanskikh tatar serediny XIX — nachala XX v. M., 1980.

Uchanowa I. N. Pryanichnyye doski Poshekhon'ya // Soobshcheniya GE. Vyp. XXXII. L., 1971.

Valeyeva-Suleymanova G. F., Shageyeva R. G. Dekorativno-prikladnoye iskusstvo kazanskikh tatar. Albom. M.: Sov. khudozhnik, 1990.

Ves Peterburg na 1911 god. Adresnaya i spravochnaya kniga g. S.-Peterburga. SPb., 1911.

Vydayushchiyesya sobirateli narodnogo iskusstva. Iz serii «Ne korysti radi». Kollektsii i kollektsionery Russkogo muzeya. Vyp. 3 / Almanakh. Vyp. 312. SPb.: Palace Editions, 2011.

Список литературы

Баранова С. И. Русский изразец: записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011.

Валеева-Сулейманова Г. Ф., Шагеева Р. Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. Альбом. М.: Сов. художник, 1990.

Весь Петербург на 1911 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1911.

Выдающиеся собиратели народного искусства. Из серии «Не корысти ради». Коллекции и коллекционеры Русского музея. Вып. 3 / Альманах. Вып. 312. СПб.: Palace Editions, 2011.

Галуева Е. С. Почетные пряничные доски Городца // Народные основы искусства художественных промыслов: Сб. науч. трудов. М.: НИИХП, 1981. С. 68.

Гончарова Л. Н. Металл в народном искусстве Русского Севера. Чеканка и медное литье: Альбом. М.: ГИМ, 2000.

Гончарова Н. Н. Тверские пряничные доски // Труды Государственного исторического музея. Вып. 75: Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков. М., 1990. С. 134.

Давыдова С. А. Производство металлических изделий в Рыбной слободе, Лаишевского уезда, Казанской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. СПб., 1895. С. 114–117.

Еранцев А. Н. Городецкие пряники // Городецкие чтения. По материалам научно-практической конференции «Городец на карте России: история, культура, язык». Апрель 2002 года. Городец, 2003. С. 147–157.

Каменская М. Н. Пряничная доска работы Матвея Ворошина // Сообщения ГРМ. Вып. II. Л., 1947. С. 36–37.

Климанов Л. Г. Николай Петрович Лихачев — коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекций академика Н. П. Лихачева. Каталог выставки. ГРМ. Ленинград, 1991. СПб., 1993. С. 18.

Климанов Л. Г. Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе» // Репрессированная наука. Сборник. Вып. 1 / Сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел; под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. С. 425.

Колпакова Ю. В. Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях // АИППЗ. Псков, 2014.

Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии. СПб., 1876.

Лихачев А. Ф. Рисунки к трудам II археологического съезда. Вып. 1. СПб., 1876.

Мальцев Н. В. Пряничные доски // Добрых рук мастерство: Произведения народного искусства в собрании Государственного Русского музея. Сборник / Сост. и науч. ред. И. Я. Богуславская. Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1981. С. 64, 65, 68, 69.

Пивоварова Н.В. Памятники церковной старины в Петербурге–Петрограде–Ленинграде: из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е годы. М.: БуксМАрт, 2014.

Русское народное искусство на второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 году. Пг., 1914.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.

Сергеенко И.И. Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // Труды Государственного исторического музея. Вып. 75: Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков. М., 1990. С. 37, 40, 42, 43.

Смусин Л.С. Русский пряник // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. XI. М., 1976. С. 100, 102.

Соболевский А., Карский Е., Перетц В., Платонов С. Записка об ученых трудах Н.П. Лихачева // Известия АН СССР. 1925. Сер. VI. Т. 19, № 18. С. 844–858.

Степанова Е.В. «Он был ученым “с головы до ног?” и никем другим быть не желал и не был...» (по материалам личного архива Н.П. Лихачева) // «Звучат лишь письмена...»: к 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. ГЭ. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. С. 24.

Степанова Е.В. Коллекция Н.П. Лихачева // Византиноведение в Эрмитаже. Сборник. XVIII Международный конгресс византинистов, Москва, 8–15 авг. 1991 г. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1991. С. 56.

Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. М., 1980.

Уханова И.Н. Пряничные доски Пошехонья // Сообщения ГЭ. Вып. XXXII. Л., 1971. С. 35.

Черняховская Ю.С. Город-пряник // Пряник, прялка и птица Сирин: Кн. для учащихся ст. классов. М.: Просвещение, 1983. С. 94.

Шилов Ф.Г. Записки старого книжника. М.: Искусство, 1959.